

Музейон

А.И. Аксенова, И.В. Кузнецова

Гимн стеклу

Музей хрустали в городе Гусь-Хрустальный

*Не право о вещах те думают, Шувалов,
Которые стекло чтут ниже минералов,
Приманчивым лучом блистающих в глаза;
Не меньше пользы в нем, не меньше в нем краса.
Нередко я для той с парнасских гор спускаюсь,
И ныне от нея на верьх не возвращаюсь,
Пою перед тобой в восторге похвалу
Не камням дорогим, ни злату, но стеклу.*

М.В. Ломоносов

Бог создал человека, а человек сотворил стекло. Прямо из того, что оказалось под рукой: песка, соды, золы. Сначала просто так, для забавы – сияющие бусины, не высыхающие на солнце капельки росы... Только на пороге новой эры человек решил воспользоваться «бесполезной» красотой в утилитарном смысле и попробовал выдуть из стекла сосуд – для воды или вина. Опыт завершился успехом. Но не настолько головокружительным, чтобы древнему человеку не открылась истинная ценность, а вернее, бесценность стекла. Не случайно в течение нескольких веков стекло и золото стоили одинаково.

Возвращение хрустальной красоты

Отчего в заводском цехе полыхает знойный солнечный шар? Это стеклодув принял за работу. Светится и колдует душа мастера в податливом горячем стекле. Лепят руки подлинную красоту. Что будет: ваза, графин, рюмка – только мастеру ведомо. Только ему под силу вдохнуть жизнь в еще бесчувственное творение.

Выдувальщик, алмазчик, гравер – в Гусь-Хрустальном не только профессии, это – любовь и судьба. Потому что, как правило, ремеслу учат с

детства, показывая, как дед и отец со стеклом ладили. И так из года в год, из века в век...

Наши предки умели варить стекло еще до Рюрика. А начиная с XI века древнерусские мастера своим усердием и талантом подняли это привычное дело до вершин настоящего искусства. Современные ученые свидетельствуют о широком распространении стекольного ремесла на Руси. Так, во время раскопок в Киеве, Костроме в археологических слоях XI–XIII веков были обнаружены большие стекольные мастерские, во Владимире найдены осколки окон

Рюмки. Первая половина XIX в. Хрусталь, алмазная грань «бриллиант»

Дмитриевского собора XII века. Расцвет стекольного оборвало монголо-татарское нашествие.

Только в 1639 году вновь в России появился стекольный завод. Его построил в селе Духанино Московского уезда швед Юлий Койет – пушечных дел мастер. Вскоре заработали другие заводы, выпускающие изделия «царского приказа» – бутылки, штофы, кувшины, бочонки. Одним из крупнейших был Покровский завод в Можайском уезде Московской губернии. Здесь-то и началась блистательная история «стекольной империи» Мальцовых – признанного лидера русского стекольного дела на протяжении двух столетий.

В середине XVIII века с бурным ростом национальной промышленности началось варварское уничтожение лесов, особенно в центральной части России. Правительство вынуждено было принять указ «снести винокурные, медные, железные и стекольные заводы в пределах Москвы и от Москвы в двухстах верстах». Для братьев Мальцовых это означало поиск нового места для предпринимательства. А где как не в богатой Мещере, среди лесов девственных, озер незамутненных, искать сырье для стекла и начинать строиться?

◀ *Образцы массовой и юбилейной продукции завода. 1950-е гг. Хрусталь бесцветный, цветной, алмазная грань, травление*

Вот и отправился старший Аким с проводниками в соседний с Московским Владимирский уезд.

...Уже много дней они прошагали. Вдруг сквозь ветви деревьев мелькнула полоска воды. С серебряной, как зеркало, поверхности реки с шумом взмыла в небо стая белых гусей... «Речка Гусь», – подсказали зачарованному Акиму проводники. Здесь, в глухом лесном урочище, и велел Аким завод ставить. А было это в 1756 году. Этот завод дал впоследствии жизнь и имя целому городу – Гусь-Хрустальный.

Мальцовы ревностно следили за достижениями в области мирового стекольного дела и старались не отстать от моды. В качестве образцов для подражания на завод привозились изделия ведущих европейских фирм Баккара, Братья Дом, Летц, Галле... Повторяя эти изделия, гусевские мастера не только воспроизводили их внешнюю красоту, но и разгадывали секреты их изготовления. Так, не хуже именитого француза Эмиля Галле они научились выполнять сложнейшую технику травления по многослойному стеклу. Гордость музейного собрания – серебристо-фиолетовые и золотисто-коричневые вазы с цветами и пейзажами.

Уже через столетия Гусевской хрустальный завод сделался первым в России по количеству выпускаемой посуды. И пошла молва о гусевских мастерах по всей России! Малые и большие золотые медали Всероссийских мануфактурных выставок в XIX веке неизменно завоевывали гусевчане. Мальцовских умельцев ставили в пример: «По сие время ни на каком заводе в России так чисто, искусно и аккуратно не выделялись хрустальные изделия, и оная фабрика – первая, которая довела до такой степени, что ежедневно употребляемые вещи не уступают и английским».

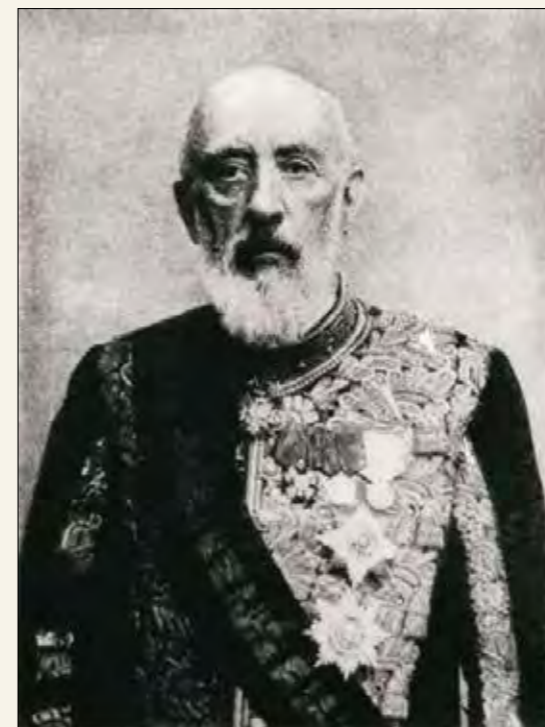
В конце XIX столетия пришло мировое признание. На Всемирной выставке в Чикаго Ю.С. Нечаеву-Мальцову была вручена Бронзовая медаль за серию посуды в «восточном вкусе» и Гран-при в Париже за знаменитые хрустальные сервизы. Мальцовская коллекция явилась началом собирания изделий, выпускаемых на Гусевском хрустальном заводе, а позднее легла в основу Музея хрусталя имени Мальцовых.

Музей хрусталя в городе Гусь-Хрустальный можно в полной мере назвать уникальным собра-

нием художественного стекла. И дело не только в количестве «единиц хранения» (их больше 13 тысяч), но в удивительной полноте и цельности музейной коллекции. На ее примере можно проследить историю развития отечественного стеклоделия от самых его истоков, начиная со второй половины XVIII века до наших дней, а также представить, как все это происходило в Европе.

Императорский стеклянный и Дятьковский хрустальный заводы, Никольско-Петровский завод им. Бахметьевых, Милятинский завод Орловых и, конечно, завод Мальцовых в Гусь-Хрустальном – названия этих предприятий и имена заводчиков столь же ярки и значимы для России, как Мурано для Италии и Баккара для Франции.

Тот, кто собрал бесценную коллекцию художественного стекла от начала его истории, способствовал возникновению еще одной, архитектурной достопримечательности Гусь-Хрустального: 1896–1903 гг. по заказу и на средства Ю.С. Нечаева-Мальцова, щедрого и бескорыстного мецената, и по проекту выдающегося русского архитектора Л.Н. Бенуа в фабричном посел-

Ю.С. Нечаев-Мальцов

ке был сооружен величественный Георгиевский собор.

Этот храм сам по себе является одним из величайших памятников истории русского зодчества, а потому драматическая история его, совпадающая с драматической историей русской культуры XX века, заслуживает отдельного рассказа.

Георгиевский собор – история возрождения

Строили собор местные владимирские мастера. Бенуа об их работе отзывался так: «Владимирские каменотесы не уступают лучшим европейским мастерам». Современники дали собору высокую оценку, и сам Бенуа писал: «В этот храм я все вложил, что мог, и, может быть, он останется лучшим из моих произведений». Действительно, гениально используя возможности находившегося тогда в расцвете стиля эклектики, архитектор соединил в облике будущего храма лучшие западноевропейские и русские традиции.

Для оформления внутреннего убранства собора Нечаев-Мальцов пригласил В.М. Васнецова. По заключенному договору художник брал на себя обязательство создать огромное полотно «Страшный суд»

(на западную стену), три полотна на запрестольные пределы, изображение-эскиз для мозаики в главном алтаре и рисунок иконостаса для бронзы с эмалью. Меценат убеждал Васнецова совершить поездку в Италию, чтобы «вдохновиться Микеланджело и Рафаэлем» перед началом работы над «Страшным судом», но тот отказался: «Не следует ли скорее избегать их видеть, чтобы не поддаться чарам этих великих чародеев в мире образов». Восемь лет, с 1896 по 1904 год, посвятил Васнецов художественному оформлению собора. В Москве при Историческом музее был выстроен специальный павильон для работы над огромным полотном «Страшный суд» – 7 на 6,8 м.

Для гигантского мозаичного панно «О тебе радуется, Благодатная» в алтаре художник создает живописный эскиз в натуральную величину – 10 на 18 метров. Мозаичное изображение набиралось в Петербурге известным мозаичистом В.А. Фроловым. Мозаика была установлена в соборе в конце 1902 года, а остальные картины закончены в 1904 году. Попали они в собор значительно позднее – «Страшный суд» экспони-

Георгиевский собор сегодня. Здесь располагается Музей хрусталя им. Мальцовых

Георгиевский собор. 1892–1903. Архитектор Л.Н. Бенуа. Фотография нач. XX в.

ровался в Историческом музее и вызвал огромный интерес публики и многочисленные отклики в прессе, преимущественно восторженные. М.В. Нестеров считал эту картину «лучшим из церковных произведений Васнецова после алтарной росписи во Владимирском соборе». Затем «Страшный суд» и картины, написанные для приделов, – «Распятие», «Сошествие во ад», «Евхаристия» с триумфом экспонировались в Петербурге, снова в Москве, и только в 1910 году, после трех выставок, картины наконец-то оказались в интерьере собора, для которого создавались.

К сожалению, не сохранилось фотографий внутреннего убранства собора в ту пору, но величие его можно себе представить – хрустальные люстры, бронзовые паникадила художественной работы, иконостас в бронзе с эмалью, сверкающее мозаичное панно в алтаре, огромные живописные полотна. Однако близок был 1917 год...

Вскоре после Октябрьской революции служба в соборе была прекращена. Некоторое время предметы культа, иконы, богослужебные книги еще оставались на своих местах, но в 1923 году административный отдел губисполкома засвидетельствовал, что «церковные ценности реализованы в Госфонд, в доход казны. Сам по себе Георгиевский храм никакого исторического значения не имеет...» В 1927 году архитектор Георгиевского собора Л.Н. Бенуа был удостоен почетного звания заслуженного деятеля искусств, а в это время с его любимого творения устранили «дефекты» – разбирали шатровую колокольню, пирамидальную крышу, барабаны и изящные главки с белокаменными кокошниками... Потом собор покрыли крышей на четыре ската и мощными перекрытиями разделили высокое его пространство на два этажа.

Так чудо совместных трудов великого архитектора, гениального живописца и бескорыстного одухотворенного мецената – Георгиевский собор «претворился» в Дворец труда, где разместились кинотеатр, швейная учебная мастерская, библиотека. Ушли на переплавку бронзовые паникадила и колокола, исчез без следа иконостас, из десяти хрустальных люстр уцелела одна. Картины отправили во Владимир и разместили в Успенском соборе, где была создана антирелигиозная экспозиция. В 1933 году их намеревалась взять Третьяковская галерея, но передача не состоялась, и в 1935 году картины Георгиевского собора, за исключением «Страшного суда», были переданы Центральному антирелигиозному музею в Ленинграде.

Вероятно, вплоть до 1944 года, когда собор был возвращен верующим, картина «Страшный суд» так и находилась в Георгиевском приделе Успенского собора. Затем накатанное на вал полотно хранилось в фондах Владимирского музея. Как оказалось, перед этим была проведена грамотная профилактическая заклепка изображения папиросной бумагой, что помогло спасти полотно от дальнейшего разрушения. Кто ее произвел? Возможно, Н.П. Сычев – бывший директор Русского музея, отбывавший после ареста ссылку во Владимире с 1941 по 1953 год. По легенде, услышанной от сотрудников Владимирского музея, заклепка происходила на площади Свободы – не нашлось такого большого помещения, где можно было развернуть полотно.

В конце 50-х в стране были созданы первые историко-архитектурные и художественные музеи-заповедники. В их числе Владимиро-Суздальский. Они стали первопроходцами в непростом

деле возрождения из провинциального небытия великого наследия предков. Предстояло освободить от неподобающих хозяев ценнейшие коллекции Отечества, привести их в достойное состояние, вдохнуть в них новую жизнь.

К 1973 году для кинотеатра, библиотеки и музыкальной школы в Гусь-Хрустальном были выстроены новые здания, и они выехали

Дворец труда в Георгиевском соборе. 1930

из Георгиевского собора. Конторы и многочисленные склады, до этого прописавшиеся в цокольном помещении, также были переселены, и начались масштабные работы по проекту архитектора Владимирской реставрационной мастерской К.С. Лимоновой. Убрали тяжелые перекрытия, делившие собор на два этажа, и внутреннее пространство храма снова стало единым, вновь засияла очищенная от закраски и побелки мозаика, – к счастью, утрат на месте примыкания к мозаике межэтажного перекрытия было не так много. Из-под снятых дощатых полов появилась хорошо сохранившаяся узорчатая керамическая плитка, а алтарь был заново выложен мрамором. Прекрасные лабрадоритовые колонны и внутренние двери были очищены от масляной краски, над дверями заново выкованы декоративные решетки. По сохранившимся рисункам мастера воссоздали наружные двери, окованные листовой латунью, полосовой статью и украшенные орнаментом. Реставрато-

ры расчистили фасады здания, отремонтировали белокаменный цоколь. Расчистили и подклет, устранив следы многолетнего пребывания там самых разнообразных складов, убрали бесчисленные выгородки, и в результате восстановительных работ снова проявились сводчатые галереи.

Затем Музей-заповедник приступил к организации реставрации «Страшного суда». Первый волнующий момент состоялся в декабре 1979 года, когда в Крестовую палату Суздальского кремля внесли огромный вал с картиной и начали очень осторожно раскручивать. Края картины были рваными, даже под слоем профилактической заклейки видна сильная деформация полотна. Состояние картины оценивалось как очень тяжелое – более семидесяти проколов, многочисленные прорывы и разрезы краев, в нижней части разрыв шириной 2 см и длиной 112 см. Ткань холста провисла, утрачено 15 процентов авторской живописи. Для пробного снятия заклейки наугад выбрали место в нижнем правом углу. И вдруг проявилась дата: «1904 год» – и автограф Васнецова. Все засмеялись – точное попадание, значит, ждет удачная работа.

Стоимость реставрации достигала 220 тысяч рублей, – для музея-заповедника это была почти астрономическая цифра, превышающая его годовой бюджет. Но проект поддержал тогдашний

Интерьер Георгиевского собора, снятие строительных лесов. 1981

министр культуры РСФСР Ю.С. Мелентьев. Приказом по министерству была создана авторитетная комиссия из ведущих специалистов реставрационного центра имени Грабаря. Бригада ленинградских реставраторов работала под руководством А.Я. Казакова – он восстанавливал росписи Исаакиевского собора, дворцов Петергофа и Царского Села. Колоссальные размеры полотна требовали специального помещения – реставрацию решили провести в Екатерининском царскосельском дворце.

Проблемы, даже самые, казалось бы, трудноразрешимые, решались счастливым образом. Одни сказали бы – это везение, другие – это был богоспасаемый труд.

Изначально картина была написана на целиковом холсте плотного переплетения работы французской фирмы. Обветшавший холст необходимо дублировать, но такой ширины полотна – 7 метров! – в Союзе не выпускали. Совершенно случайно владимирцы заговорили о своих проблемах с директором Ивановского музея Е.Г. Горбуновой, и выяснилось, что в 1977 году к юбилею Октября на фабрике в Иваново был установлен специальный ткацкий станок. На нем, по приказу первого секретаря обкома, изготовили холст именно такой ширины для диорамы Иваново-Вознесенской стачки. Оказалось, что в музее остался лишний кусок, и – фантастическое везение! – именно 7 метров. Далее при дублировании холста, для компрессов, которые накладывали на деформированные места, потребовалось свыше 40 кг натурального меда – учтем, что это были годы всеобщего дефицита. Тогда председатель облисполкома Т.С. Сушков распорядился выдать сладкое «лекарство» для полотна из облисполкомовского буфета. Бидон с медом загрузили в поезд и отправили с сопровождающим в Ленинград. Из Ленинграда снова звонок – нужен осетровый клей – 12 кило-

Мозаика «О тебе радуется, Благодатная!». 1901. Автор эскиза В.М. Васнецов, мастер В.А. Фролов

В.С. Муратов, В.И. Касаткин. Композиция «Гимн Стекла». 1983

граммов. Годовая норма этого клея для музея-заповедника – 300 граммов. Но и клей все-таки получили!

Реставрация началась в августе 1981-го и была закончена 20 мая 1983 года. Председатель приемной комиссии, президент Академии художеств СССР Б.С. Угаров произнес слова, которых все долго ждали: «Сегодня большой день в истории русской живописи – возвращено к жизни великое полотно Виктора Михайловича Васнецова». Васнецовский шедевр можно было везти «домой». Как везли на машине с прицепом, с охраной, как стружали, как натягивали на заранее сделанный подрамник из сухого дерева, как вешали на старые, сохранившиеся крюки с устроенных подмоостей – об этом тоже можно бы много рассказать. И ровно через 60 лет картина вернулась на свое законное место. Теперь это часть экспозиции Музея стекла в Гусь-Хрустальном. Этот день и стал днем открытия музея.

А осенью 1992 года, спустя девять лет, в Гусь-Хрустальном уже состоялась Международная творческая встреча художников по стеклу из пятнадцати стран. Их оценка музея была единодушно восторженной.

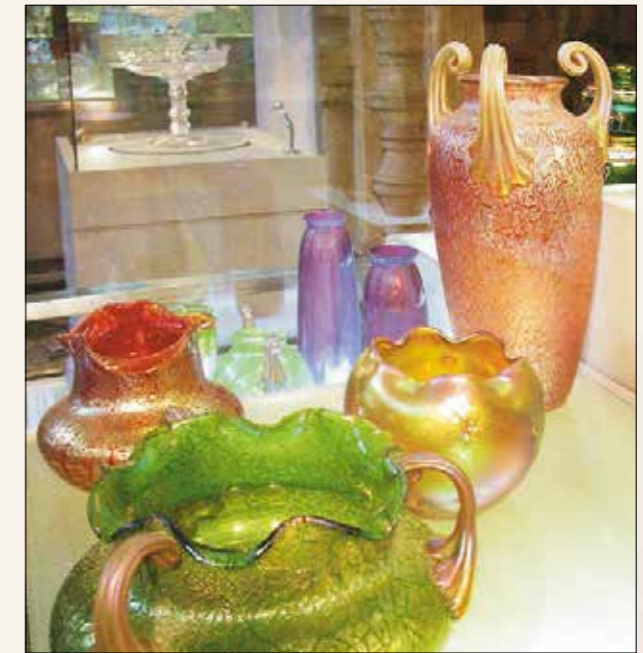
Легенда о стеклянном букете

Жил в Гусь-Хрустальном Разумей Васильев – стекольных дел мастер. Рассказывают, умельцем он был, каких по всей России еще поискать надо. Порой делает петушка, посадит его в графин – и все дивятся: как же хочет туда попать сквозь узкое горло-то? Однажды заболела у Разумей дочка. Огнем горит малышка, мечется и все лето поминает, просит отца цветов ей принести. А за окном мороз трещит, люрует...

Понаутро возле постели больной девочки в вазе распустились нежные, хрупкие, искрящиеся жизнью цветы – не отличишь от настоящих! За одну ночь сотворил их Разумей Васильев из цветного стекла. И дочка поправилась. А случилось такое на самом деле или же люди придумали, –

Изделия конца XIX – начала XX в. Хрусталь бесцветный, цветной, роспись золотом, пантографное травление

♦ Р. Васильев. Стеклянный букет. 1830-е гг. Стекло цветное, гутная техника

Декоративные вазы начала XX в. Стекло цветное, гутная техника, ифизация, «кракле»

мы не знаем, только легенда в Гусь-Хрустальном живет более ста лет.

Чудесный букет через некоторое время попал к И.С. Мальцову – хозяин завода тогда только начинал собирать свою коллекцию стеклянных изделий. Так и сохранились цветы Разумей до наших дней.

С гордостью показывая свое уникальное собрание коллегам и гостям, сотрудники музея неизменно вспоминают одну из главных счастливых удач, связанную с получением мальцовской коллекции. Изделия хрустального завода, с незапамятных времен, а точнее, с начала XIX века, складывались, переложенные стружкой, в ящи-

Экспозиция Музея хрустала

ки в двух комнатах заводоуправления. Как уцелели эти ящики во время революции и в более поздние времена, без описи, без регистрации, уложенные ящик на ящик, очень тяжелые, из самых обыкновенных досок, необъяснимо. Об этом складе знали все, но на заводе в советское время большим успехом пользовалась так называемая «образцовая» – выставочный зал лучших изделий современных мастеров, выполнявший функцию заводского музея.

В 1973 году сверкающий хрусталь – алмазная грань и современный, с окраской редкоземельными металлами – демонстрировался на областной Промышленной выставке рядом с мебелью, станками и холодильниками «Ока». Потом во Владимире был создан Музей хрустала, лаковой миниатюры и мстерской вышивки. Когда Владимир-Суздальский музей-заповедник приступил к созданию Музея в Гусь-Хрустальном, то сотрудники рассчитывали на свою коллекцию из 3370

предметов, которую составляли в основном изделия современных мастеров. Дореволюционных изделий было мало.

И вот после необходимых административных согласований – наследие старых мастеров передано новому музею! Перевозили тяжелые ящики с тревогой и волнением – что там? Может быть, стаканы или заготовки? Или одни осколки? Когда начали вскрывать ящики в присутствии комиссии, в которой по приглашению руководства музея-заповедника приняла участие лучший знаток стекла, сотрудник ГИМа Н.А. Ашарина, то без конца раздавались восторженные возгласы – это были прекрасные образцы, много – уникальных. В ящиках оказалось 5236 предметов!

Создание музейной экспозиции началось с творческих сомнений: как в великолепном интерьере собора выстроить экспозицию, чтобы не потерялись произведения из хрустала, очень небольшие по размеру. Проекты видного московского художника были отвергнуты – уж очень смахивали предлагаемые витрины на торговое оборудование. Идею решения подсказали впечатления от когда-то увиденной экспозиции Музея французской фирмы Баккара в Париже на улице Паради: в большом зале установлен подиум с изделиями фирмы, а торцовая стена – зеркальная. Возникало впечатление сверкающей бесконечной реки. Художник-дизайнер Л.В. Озерников развил эту идею – подсвеченный подиум не только выигрышно высветил экспонаты, но и решил проблему освещения собора – мягкий свет залил все пространство.

Сегодня каждого входящего в музей встречает «Гимн стеклу» – шестиметровая ажурная кованая композиция, точно найденные пропорции которой органично вписались в пространство апсиды. Фантастическим факелом распустились 330 хрустальных цветов, между ними покачиваются серебряные колокола и порхают диковинные красные и синие птицы – замечательная работа прославленных мастеров, народного художника В.С. Муратова и В.И. Касаткина. Над «Гимном» – огромное мозаичное панно: в сверкающем золотой смальтой нимбе юная Богородица в вишневом омофоре, склоненные головы серафимов с девичьими задумчивыми лицами, обрамленные голубовато-серыми крыльями...

В галереях собора представлено свыше трех с половиной тысяч экспонатов. Нам представлялось логичным делать не рафинированную

Изделия конца XIX – начала XX в. Стекло, роспись золотом, серебром, эмалью, цифровка, травление, гравировка

четкую рациональную экспозицию с уважительно выделенными «представителями» того или иного стиля, направления, приема обработки, а дать многослойную симфонию стекла. Гармоничность компоновки обеспечена тщательным отбором каждого экспоната. В боковых алтарных частях создано подобие интерьеров середины XIX и начала XX века. В первом – богато сервированный стол: великолепные вазы, конфетеры, кубки, а рядом хрустальные канделябры. Во втором – уголок гостиной в стиле модерн, несколько перегруженный мебелью и стеклом в духе того времени.

Музей хрустала – не только экспозиция. «Стекланный звон», «хрустальный звон» – музыка сияния, музыка цвета и формы ассоциируется с музыкальными созвучиями, и потому в стенах собора она слышится постоянно. Прелюдии Скрябина, камерные фортепьянные произведения Глинки и Чайковского, сочинения для арфы русских композиторов XIX века сопровождают гостя во время осмотра экспозиции. Есть в музее и своя концертная площадка, где регулярно проходят музыкальные фестивали «Хрустальная лира».

Декоративные вазы. 1947. Приборы для воды и крошона. 1940-е гг.

«Аннагельб», «Элеонорагрюн» и «Золотой рубин»

Из самых ранних экспонатов в Музее хрустала особо радуют глаз подарочные кубки – ценнейшие образцы русской гравировки XVIII столетия. Прозрачное стекло украшают сотканые из тончайших узоров живописные картины – будь то охота на медведя или любовное объяснение. Они переносят зрителя в «золотой век» Екатерины – время пышных театрализованных зрелищ и преувеличенных страстей.

Как стыдливо потупила взор барышня в пышном кринолине, как пылко припал к ее ногам влюбленный юноша – о волшебном-амурная эпоха барокко! Автором рисунка считается знаменитый гравер Степан Лагутин. Разглядывая эти виртуозно выписанные «галантные празднества», невольно забываешь о том, что мастер в руках держал не беличью кисть, – много-много дней, до боли в глазах он покрывал вычурной вязью изящное тулово бокала с помощью крошечного, с булавочную головку, медного колесика, насаженного на вращающийся стержень...

В начале XIX века фаворитом гусевских стеклоделов становится хрусталь – последнее веяние мировой моды. Заимствовав у англичан исходный материал, научившись заграничным премудростям его обработки, мальцовские мастера сумели создать свое, чисто русское искусство.

Острозаточенный абразив врезается в стекло, постепенно углубляясь, и оставляет за собой бороздку – алмазную грань, вспыхивающую и искрящуюся на солнце, словно настоящий брил-

◀ Фрагмент центрального подиума. Авторские произведения художников города Гусь-Хрустальный

лиант. Кажется, не рука человека, а волшебный посох Деда Мороза покрывает легким серебристым инеем рюмки, вазы, графины. Некоторые рожденные на гусевском заводе узоры стали эталоном, классикой стеклоделия – «мальцовская грань», «светлое растение».

Кубок. Вторая половина XIX века. Хрусталь бесцветный и «золотой рубин», алмазная грань. Кубок со сценой охоты на медведя. 1780-е. Стекло, гранение, гравировка

Необычна история открытия уранового стекла. В начале XIX века богемский мастер-стекольщик Франц Ридль разработал рецептуру варки стекла новых оттенков – желтого и зеленого, таинственное свечение которому придавал урановый краситель. Ридль назвал изобретения именами своих дочерей – «Аннагельб» (Анна желтая) и «Элеонорагрюн» (Элеонора зеленая). Так желтое и зеленое урановое стекло называют в мире до сих пор. Начиная с 1830 года урановое стекло выпускалось и на Гусевском заводе. Мастера не могли в то время знать, что радиоактивное сырье смертельно опасно. Боясь пропажи дорогого «красителя», стеклоделы хранили его в холщовых мешках под рабочими стульями, и уран, оправдывая имя грозного бога неба, карал людей страшными болезнями. И хотя сами изделия из уранового стекла для здоровья абсолютно безвредны, в 50-е годы XX столетия их выпуск был прекращен во всем мире из-за строжайшего запрета на свободную добычу радиоактивных металлов. Коллекция уранового стекла Музея хрусталия – одна из интереснейших в стране и хорошо известна за ее пределами.

«Золотой рубин» – так называют стекло малиновых оттенков, своим самоцветным мерцанием напоминающее драгоценный камень. Его делали, добавляя в бесцветную стекольную основу золото, растворенное в смеси соляной и азотной кислот – «царской водке». Изобрел способ получения «золотого рубина» немецкий алхимик Иоганн Кункель в XVII веке, тайну его изготовления открыть не захотел, написав перед смертью: «Так как этот секрет стоил мне больших трудов, стараний и забот, то пусть никто не сочтет плохим, что

Фрагмент экспозиции центрального подиума

я не делаю его достоянием всех». Только через сто лет «золотой рубин» вновь открыл наш русский ученый М.В. Ломоносов. Позднее появились медный и селеновый «рубины», и на башнях Московского Кремля зажгли темно-пурпурные звезды...

Гусь-Хрустальный богат талантами. Количество членов Союза художников, заслуженных и народных, лауреатов, академиков – здесь на душу населения, может быть, самое большое в России. В Гусь-Хрустальном жил и создавал удивительные произведения В.С. Муратов, действительный член Российской Академии художеств. Е.И. Рогов,

Р.Н. Аксенов, В.И. Касаткин, О.И. Козлова, А.С. Курилов – фамилии отнюдь не «местного значения», это имена-легенды отечественного стеклоделия.

Сегодняшнее состояние культуры не так радужно, как нам всем этого хотелось бы. Но возрождение Георгиевского собора – любимого творения Бенуа, возвращение к жизни чудом не утраченного в годы войны полотна Васнецова, бескорыстие мецената Нечаева-Мальцова, чудесное сбережение его хрустальной коллекции и пополнение ее произведениями мастеров дня сегодняшнего заставляют снова и снова думать, что есть где-то ТАМ, в небесах, Вездесущее и Всемогущее Начало. Начало, которое в самые тяжелые моменты помогает людям сохранить истинное сокровище – Красоту, заставляющую дрогнуть самые очерствевшие сердца. Она спасает мир от равнодушия, о котором Бернард Шоу говорил, что оно – «хуже ненависти; из него рождается бесчеловечность». Воплощенная в произведениях художественной Культуры, рожденная одухотворенным талантом человека и его доброй волей, Красота остается с нами, и один из ее сияющих бликов – Гусь-Хрустальный, город на берегу речки Гусь, который хранит и преумножает уникальные творения мастеров многих поколений.

В.С. Муратов. Птицы. Хрусталь цветной. Гутная техника. 1970-е гг.